Н. Лосскій.

ОТВѢТЪ

С. И. Поварнину

НА КРИТИКУ ИНТУИТИВИЗМА.

14

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1911.

\B

„Пров 38"
Пров. 1958
Пр.

1249

7925

С. И. Поварнинъ прочиталъ осенью 1910 г. въ Спб. Философскомъ обществѣ докладъ „Объ „интуитивизмѣ“ Н. О. Лосскаго“ и въ 1911 г. напечаталъ брошюру подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Согласно критикѣ г. Поварнина оказывается, что моя книга „Обоснованіе интуитивизма“ почти сплошь состоитъ изъ противорѣчій. Поэтому, критикуя ее, г. Поварнинъ прибѣгаетъ главнымъ образомъ къ сопоставленію различныхъ мѣстъ моего сочиненія и указанію на то, что они другъ съ другомъ, а также съ моимъ сочиненіемъ „Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма“ не согласны. „Полная надеждъ и широкихъ плановъ ладья талантливаго автора“, говоритъ С. И., „разбивается о незамѣтный подводный камень, о который разбилось не мало ученій въ опасномъ морѣ философіи. Этотъ камень — фор-

мальная состоятельность философскихъ построеній“ [1]).

Формальная несостоятельность есть нѣчто убійственное, особенно въ философскомъ изслѣдованіи. Въ своей крайней степени, именно когда вся система взглядовъ какого-нибудь автора сплошь противорѣчива сама въ себѣ, безъ привлеченія матеріала со стороны (напр., безъ привлеченія фактовъ, не усмотрѣнныхъ авторомъ), формальная несостоятельность есть явленіе, чрезвычайно рѣдкое: нужна необычайная, почти идіотическая безсвязность мышленія, чтобы создать такую систему. Поэтому, когда какой либо критикъ не оставляетъ камня на камнѣ въ чужой системѣ, показывая, что она не въ одномъ какомъ либо пунктѣ, а сплошь внутренно противорѣчива, къ такой критикѣ всегда a priori относишься съ подозрѣніемъ: обыкновенно, въ такихъ случаяхъ критикъ подвергаетъ оцѣнкѣ не систему, продуманную авторомъ, а нѣчто другое — именно органическую смѣсь, состоящую отчасти изъ взглядовъ автора, отчасти изъ приписанныхъ автору самимъ критикомъ взглядовъ.

---

[1]) С. И. Поварнинъ, Объ „интуитивизмѣ“ Н. О. Лосскаго, Предисловіе стр. 3.

Понятно, какъ это случается. Словоупотребленіе не однозначно, даже и у одного лица, тѣмъ болѣе у нѣсколькихъ лицъ. Автору кажется совершенно яснымъ, что его слова и предложенія имѣютъ *такой-то* смыслъ, а читатель съ такою же увѣренностью вкладываетъ въ нихъ совершенно *другое* значеніе. Здѣсь важнѣйшій источникъ кажущихся противорѣчій. Впрочемъ, если читатель или критикъ сочувствуетъ автору, то ему приходитъ въ голову: „не можетъ быть, чтобы авторъ былъ такъ неуменъ. Не я ли самъ виновникъ найденныхъ мною противорѣчій“. Окинувъ взглядомъ возможныя толкованія текста, читатель въ такихъ случаяхъ обыкновенно проникаетъ въ мысль автора и находитъ органическое цѣлое тамъ, гдѣ ему прежде чудилась безсвязность.

Есть и еще источникъ мнимыхъ противорѣчій. Чѣмъ болѣе новы какіе-либо взгляды, тѣмъ больше въ изложеніи ихъ дѣйствительно *неточныхъ* и *неосторожныхъ* выраженій. Но и въ этомъ случаѣ обязанность критика состоитъ въ томъ, чтобы сначала попытаться поставить разсматриваемаго автора въ наивыгодное для него положеніе, именно посмотрѣть, выразима ли его система безъ посредства такихъ выраженій, вносящихъ въ нее противо-

рѣчія. Этотъ пріемъ есть необходимое условіе для того, чтобы войти внутрь чужой системы взглядовъ. С. И. Поварнинъ, повидимому, не прибѣгнулъ ни къ первому, ни ко второму пріему, разсматривая мою книгу, и потому критиковалъ не мою теорію, а какую-то систему, въ появленіи которой на свѣтъ я неповиненъ.

Обращу еще вниманіе уважаемаго критика на нѣкоторую, мнѣ кажется, неосторожность, проявленную имъ въ обращеніи съ моею книгою. С. И. Поварнинъ говоритъ въ примѣчаніи къ предисловію: „курсивъ въ цитатахъ мой, за исключеніемъ особо оговоренныхъ случаевъ“ [1]).

Какъ извѣстно, курсивъ чрезвычайно измѣняетъ физіономію фразы, указывая читателю, гдѣ сдѣлать логическое удареніе. Поэтому, производя такое измѣненіе въ цитатѣ, необходимо тутъ же (или въ подстрочномъ примѣчаніи на той же страницѣ, или даже въ скобкахъ внутри самой цитаты) указать, что не самъ авторъ произвелъ это удареніе. Напр., въ фразѣ „человѣкъ есть животное, обладающее даромъ рѣчи“, вниманіе автора можетъ быть сосредоточено исключительно на томъ, что

[1]) Тамъ же стр. 4.

человѣкъ обладаетъ даромъ рѣчи, а слово животное играетъ лишь роль грамматическаго звена для построенія предложенія и могло бы быть замѣнено словомъ существо. Если какой либо богословъ, цитируя такую фразу, напечатаетъ курсивомъ слово „животное“ и на этомъ курсивѣ построитъ свое отношеніе къ мысли автора, то ему, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ оговорить тутъ же, что у самого автора курсива нѣтъ.

Брошюра С. И. Поварнина состоитъ изъ четырехъ главъ: I. Знаніе и сознаніе, II. Ученіе о сужденіяхъ, III. Критерій истины, IV. Непосредственная познаваемость міра. Соотвѣтственно этимъ главамъ я и буду отвѣчать.

I. Знаніе и сознаніе.

Въ своемъ сочиненіи „Обоснованіе интуитивизма“ я строю теорію знанія, утверждающую, что міръ познается нами такимъ, какимъ онъ существуетъ независимо отъ насъ, и притомъ познается не посредствомъ копій съ него, а въ подлинникѣ благодаря тому, что можетъ быть „данъ мнѣ“ для непосредственнаго созерцанія. Конечно, простая „данность“ чего либо въ сознаніи еще не есть знаніе; „данное“ со-

держаніе сознанія можетъ быть неопознаннымъ; опознаннымъ оно становится только послѣ акта сравниванія, приводящаго къ различеніямъ и отожествленіямъ, т.-е. къ анализу. Міръ познается въ подлинникѣ потому, что „данъ“ онъ въ подлинникѣ, и опознанность его осуществляется не путемъ внесенія въ него какихъ нибудь новыхъ содержаній, а только путемъ анализа его, достигаемаго благодаря сравненію, т.-е. различеніямъ и отожествленіямъ. Согласно моей теоріи познающій субъектъ въ знаніи не проявляетъ никакого творчества, такъ какъ его дѣятельность сводится только къ анализу. Если бы актъ различенія былъ не только анализомъ, но и впервые создавалъ различія въ опознаваемомъ „данномъ“ содержаніи сознанія, если бы, по моей теоріи, „данное“ мнѣ сознаваемое, но еще неопознанное содержаніе было, такъ сказать, однороднымъ тѣстомъ, то это значило бы, что я приписываю познавательной дѣятельности еще болѣе творческій характеръ, чѣмъ это дѣлаютъ кантіанцы: въ самомъ дѣлѣ, это значило бы, что я считаю даже чувственныя качества, напр. красное, голубое и т. п., продуктами дѣятельности познающаго субъекта. Въ такомъ случаѣ я въ своей теоріи заразъ

утверждалъ бы и то, что познавательная дѣятельность имѣетъ въ максимальной степени творческій характеръ (и все расчлененіе міра, и всѣ различія въ немъ созданы моимъ знаніемъ), и то, что познавательная дѣятельность имѣетъ наименѣе творческій, наиболѣе пассивный характеръ (міръ познается въ подлинникѣ такимъ, какимъ онъ существуетъ независимо отъ моего знанія).

Такую максимально нелѣпую теорію, очевидно обреченную на то, чтобы быть на каждой страницѣ внутренно противорѣчивою, приписываетъ мнѣ С. И. Поварнинъ.

Чтобы не приписать мнѣ такой нелѣпости, нужно обратить вниманіе на слѣдующія стороны моей теоріи. „Актъ различенія не создаетъ различій въ тѣхъ вещахъ, на которыя онъ направленъ, а приводитъ только къ тому, что различія, уже существующія между вещами, становятся различіями также и для меня, какъ познающаго существа. Вещи SAP, SAD, SMN отличны другъ отъ друга и „даны“ въ моемъ сознаніи именно, какъ SAP, SAD, SMN, но пока я не сопоставилъ ихъ другъ съ другомъ и не отличилъ ихъ другъ отъ друга, SAP не выдѣлено мною изъ этого ряда какъ иное, чѣмъ SAD или SMN. Въ „Обоснованіи

интуитивизма“ я говорю: „сама по себѣ жизнь еще не есть знаніе, она становится знаніемъ — благодаря нѣкоторому дополнительному процессу, именно процессу сравниванія“. „Пока жизнь не подвергается сравненію, она течетъ для меня, не производящаго сравненіе, какъ что-то темное, безформенное, безсознательное (т.-е. неопознанное)“ [1]).

Здѣсь необходимо обратить вниманіе на слова „для меня, не производящаго сравненіе“. Неопознанное есть сама жизнь, сама дѣйствительность, полная формъ и различій, но для моего знанія эти различія еще не существуютъ, пока я не произвелъ сравненія; напр., если SAP, SAD, SMN не отличены мною ни другъ отъ друга, ни отъ другихъ вещей, то у меня нѣтъ никакого знанія о нихъ, всѣ три онѣ для меня что-то совершенно темное, не освѣщенное вовсе свѣтомъ знанія. Если я въ этихъ вещахъ отличу только S, то первая ступень знанія уже есть, но все же для моего знанія нѣтъ трехъ вещей, а есть только одно присущее имъ всѣмъ S, слѣдовательно, остальное разнообразіе, существующее само по себѣ, для моего знанія, еще не выдѣли-

[1]) „Обосн. интуит.“ 2. изд. стр. 195.

лось, осталось для меня темнымъ, безформеннымъ. [1]). На второй ступени знанія, когда путемъ дальнѣйшаго сравниванія я усмотрю, кромѣ S, еще A и M, для моего знанія существуютъ уже двѣ вещи: SA и SM, и т. д.

Въ книгѣ „Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма“ я развиваю такое же ученіе о неопознанныхъ состояніяхъ. Если при чтеніи главы „Сознаніе и знаніе“ читатель могъ въ началѣ понять мое изложеніе неправильно и вообразить, будто я считаю неопознанныя состоянія чѣмъ-то лишеннымъ различій, то это недоразумѣніе должно разсѣяться послѣ страницы 85 (второе изданіе), гдѣ я описываю психическую дѣятельность исканія отвѣта, какъ непрерывный процессъ вродѣ „движенія какой-либо вѣточки дерева, увлеченной стремительнымъ ручьемъ“, указываю на то, что „очень немногіе люди знаютъ о существованіи такого непрерывнаго процесса и подмѣчаютъ связующія звенья“, и, наконецъ, на

[1]) Особенно важно при этомъ во избѣжаніе неправильныхъ выводовъ, приводящихъ къ мнимымъ противорѣчіямъ, имѣть въ виду мое ученіе о бытіи общаго, напр. въ данномъ случаѣ о бытіи S („Обоснованіе интуитивизма, гл. „Общее и индивидуальное“).

слѣдующей страницѣ (86) утверждаю, что такой процессъ существуетъ до акта опознанія (т.-е. онъ развивается, какъ процессъ, въ которомъ объективно существуютъ различія, но я ихъ не различилъ, т.-е. не опозналъ).

С. И. Поварнинъ не замѣчаетъ, что моя теорія сначала и до конца въ обоихъ сочиненіяхъ (и въ „Обоснованіи интуитивизма“, и въ „Основныхъ ученіяхъ психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма“) послѣдовательно развита въ духѣ сдѣланныхъ мною выше разъясненій? С. И полагаетъ, будто я въ однихъ мѣстахъ книги утверждаю, что различіе состояній сознанія создается познающимъ субъектомъ въ актѣ различенія, а въ другихъ—считаю различія независимыми отъ акта различенія. „Двѣ тенденціи явно непримирены въ книгѣ г. Лосскаго и одерживаетъ побѣду то одна, то другая, исключая другъ друга“, говоритъ С. И. (стр. 9).

Первую тенденцію (мнѣ не принадлежащую) С. И. Поварнинъ описываетъ подробно, а вторую (мнѣ единственно принадлежащую) отмѣчаетъ только, какъ ученіе о независимости различій отъ акта различенія, но нигдѣ не усматриваетъ, какъ я осуществилъ это ученіе, т.-е. нигдѣ не нападаетъ на слѣдъ

сдѣланныхъ выше разъясненій. Поэтому можно сказать, что настоящей тенденціи моей теоріи С. И. совсѣмъ не усмотрѣлъ по существу. Да и понятно, усмотрѣвъ ее, С. И. увидѣлъ бы, что только она и проведена въ моей книгѣ. Почему же С. И. не замѣтилъ ея и послѣдовательнаго осуществленія ея во всей книгѣ?

Во-первыхъ, г. Поварнинъ не обращаетъ вниманія на тѣ мѣста моей книги, въ которыхъ сдѣлана приведенная выше (изъ „Обоснованія интуитивизма“, стр. 195) оговорка „для меня“, показывающая, что различеніе только выдѣляетъ различія изъ неопознанныхъ состояній, но не создаетъ ихъ.

Во-вторыхъ, въ большинствѣ случаевъ такой оговорки я не дѣлаю, такъ какъ мнѣ кажется, что все содержаніе моихъ обѣихъ книгъ и контекстъ каждаго предложенія кричитъ въ пользу такого толкованія. С. И. Поварнинъ цитируетъ предложенія, въ которыхъ нѣтъ такой оговорки, не присоединяетъ ея мысленно и получаетъ ложныя представленія о смыслѣ моихъ утвержденій. Такъ, напр. въ „Основныхъ ученіяхъ психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма“ (стр. 83 с., 2 изд.) я описываю психологическіе эксперименты, состо-

явшіе въ томъ, что испытуемый субъектъ, воспринимавшій цвѣта въ теченіе очень короткаго времени, долженъ былъ опредѣлять цвѣта. Изъ этого описанія С. И. Поварнинъ (стр. 5 брошюры) беретъ слѣдующее мѣсто: „сознаваніе этого опредѣленнаго состоянія — мы говоримъ объ опредѣленности зрительнаго образа, а не о появленіи въ сознаніи названія и т. п. внѣшнихъ для образа идей,—есть явленіе вторичное, возникающее вслѣдъ за появленіемъ просто состоянія сознанія, которое мало-помалу путемъ сознаваемыхъ усилій опредѣляется нами".

Здѣсь „опредѣленіе нами" нужно понимать не въ смыслѣ созиданія нами опредѣленности, а въ смыслѣ выдѣленія (благодаря различенію) той стороны состоянія, которая характеризуетъ его, какъ это опредѣленное; этотъ процессъ схематически былъ изображенъ выше на примѣрѣ различныхъ ступеней знанія объ SAP, SAD, SMN, причемъ сначала мы познаемъ только S, потомъ SA и SM и т. д. [1]). С. И. Поварнинъ не замѣчаетъ возможности такого толкованія и потому неправильно понимаетъ подобныя мѣста книги.

---

[1]) См. выше стр. 10 с.

Въ третьихъ, С. И. Поварнинъ полагаетъ, что онъ нашелъ у меня выраженія, особенно ярко свидѣтельствующія въ пользу того, что я понимаю неопознанное, какъ „однородную массу“ (стр. 8 брошюры). Въ „Основныхъ ученіяхъ психологіи“ (стр. 96 с.) я говорю, что, нерѣдко такъ называемые, безсознательные процессы „совершаются какъ бы внѣ времени и составляютъ абсолютное сплошное единство“. Подъ словами „абсолютное сплошное единство“ С. И. Поварнинъ понимаетъ однородную массу, въ которой еще нѣтъ различій. Я не виноватъ въ томъ, что г. Поварнинъ привыкъ къ такому словоупотребленію. Слово единство въ философіи въ большинствѣ случаевъ употребляется для обозначенія понятія, неразрывно связаннаго съ понятіемъ множества: такъ, напр., простой музыкальный тонъ не есть единство, множество разнородныхъ тоновъ въ гармоническомъ сочетаніи образуютъ единство. Говоря о сплошномъ абсолютномъ единствѣ, я разумѣлъ подъ этими словами глубочайшую, реально-нераздѣлимую связь многаго разнороднаго. Дальше (на стр. 97) я указываю, что въ знаніи, замѣчающемъ отдѣльныя стороны этого единства, „получается въ дискурсивной формѣ содержаніе, не заключающее въ себѣ ничего специфически

новаго". Иными словами я тутъ же пояснилъ, что понимаю терминъ „абсолютное сплошное единство" не въ смыслѣ обозначенія „однородной массы".

Я характеризую знаніе, какъ „дифференцированіе путемъ сравненія". Слово „дифференцированіе" привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе г. Поварнина. „Слово дифференцированіе вѣдь именно и обозначаетъ, въ общемъ своемъ значеніи, переходъ отъ однороднаго единства къ разнородному множеству", говоритъ уважаемый критикъ (стр. 8). Въ отвѣтъ на это напомню, что, напр., въ философіи Спенсера огромное количество примѣровъ явленій дифференцированія относится къ такимъ случаямъ, когда въ основѣ лежитъ не однородная въ смыслѣ отсутствія различій масса, а масса, въ которой различное равномѣрно распредѣлено, какъ, напр., въ смѣси abcabcabc....., въ которой, откуда бы мы ни взяли пробу, получимъ всюду горсточку изъ нѣсколькихъ abc; при этомъ процессъ дифференцированія состоитъ въ сортировкѣ, въ выдѣленіи изъ смѣси уже существующихъ въ ней разнородныхъ элементовъ и откладываніи однихъ въ одну сторону, другихъ въ другую, вслѣдствіе чего получается aaa...bbb...ccc...

Чтобы было понятно, въ какомъ смыслѣ я говорю о дифференцированіи въ знаніи, напомню опять приведенную выше схему ступеней опознанія трехъ вещей SAP, SAD, SMN, причемъ сначала мы усматриваемъ только S, потомъ SA и SM, наконецъ SAP, SAD, SMN [1]).

Наконецъ, въ четвертыхъ, г. Поварнинъ полагаетъ, что данное имъ толкованіе многихъ мѣстъ моей книги логически вытекаетъ изъ самой сущности моего основного ученія о знаніи. „Г. Лосскій", говоритъ С. И., „видитъ сущность знанія въ «различеніи», «выдѣленіи», «обособленіи». Г. Лосскій убѣжденъ, что знаніе есть нѣчто «вторичное», «надстроивающееся надъ сознаніемъ», относящееся къ нему, какъ видъ къ роду. Изъ этихъ двухъ посылокъ логически необходимо слѣдуетъ выводъ: если познаніе «различаетъ», «обособляетъ», «выдѣляетъ», то значитъ въ «просто сознаніи» познаваемое не было обособлено, выдѣлено, различено. Т.-е. все «просто сознаваемое» представляетъ въ дѣйствительности для насъ «абсолютное сплошное единство» [2]).

Какъ видно изъ предыдущихъ моихъ разъ-

---

[1]) См. выше стр. 10 с.

[2]) С. И. Поварнинъ стр. 7 с.

ясненій, приведенный выводъ кажется С. И. Поварнину логически необходимымъ только вслѣдствіе произведеннаго имъ смѣшенія понятій— „различено“ (мною въ знаніи) и „различно“ (объективно).

II. Ученіе о сужденіи.

Критика моего ученія о сужденіи, произведенная С. И. Поварнинымъ, заставляетъ меня высказаться о системахъ логики, въ которыхъ отношеніе предиката къ субъекту разсматривается, какъ отношеніе тожества.

Мое отрицательное отношеніе къ этимъ системамъ логики выражено въ „Обоснованіи интуитивизма“ не въ формѣ прямой полемики, а косвенно, поскольку я настаиваю на синтетическомъ характерѣ опознанной стороны всѣхъ сужденій, на томъ, что отношеніе субъекта и предиката есть отношеніе основанія и слѣдствія и т. п. Въ формѣ прямого сведенія счетовъ съ логикою этого типа я высказывалъ свои взгляды два года тому назадъ устно въ семинаріяхъ, посвященныхъ „Основнымъ спорнымъ вопросамъ логики“; письменно оно высказано мною въ статьѣ (еще не напечатанной) „Ре-

форма понятія сознанія въ современной теоріи знанія и ея значеніе для логики", а также въ изложеніи интуитивизма, данномъ мною въ печатающейся теперь книгѣ „Введеніе въ философію". Эти сочиненія не извѣстны С. И. Поварнину, и я согласенъ съ тѣмъ, что могъ подать поводъ С. И. ошибочно понять вначалѣ при чтеніи „Обоснованія интуитивизма" мое ученіе о знаніи въ духѣ традиціонной логики тожества, вслѣдствіе чего въ дальнѣйшемъ должна была получиться невѣроятная безсвязность и противорѣчивость. Многія своеобразныя стороны интуитивизма только описаны мною въ „Обоснованіи интуитивизма", но не обозначены особыми терминами, которые способствуютъ выдѣленію излагаемаго ученія изъ среды другихъ ученій. Такіе термины и сопоставленія введены мною постепенно въ статьѣ „Идея безсмертія души, какъ проблема теоріи знанія", „Теорія знанія и проблема происхожденія знанія" [1]), а также въ упомянутыхъ выше сочиненіяхъ, которыя не могли быть извѣстны С. И. Поварнину.

Съ помощью этихъ усовершенствованій въ изложеніи, надѣюсь, легко будетъ показать,

[1]) Вопр. фил. кн. 104 и 108.

какъ неправильно понялъ С. И. Поварнинъ мою теорію.

Существенная особенность интуитивизма заключается въ рѣзкомъ обособленіи субъективной (психологической) и объективной (а также логической) стороны знанія, именно въ обособленіи акта знанія, съ одной стороны, и предмета и содержанія знанія, съ другой стороны. Актъ знанія (вниманіе и сравниваніе) есть психологическая, субъективная сторона знанія, а предметъ (то, что̀ подлежитъ знанію) и содержаніе знанія (то, что̀ узнано о предметѣ) есть объективная сторона знанія [1]).

Психологическая сторона знанія есть различеніе и отожествленіе (сравниваніе), приводящее къ анализу, выдѣляющему изъ состава дѣйствительности необходимо связанные другъ съ другомъ элементы ея (синтезъ ихъ), т.-е. элементы, относящіеся другъ къ другу, какъ основаніе и слѣдствіе. Итакъ, психологиче-

---

[1]) По теоріи интуитивизма, логическою называется та часть объективной стороны сужденія, которая служитъ условіемъ возможности общихъ элементарныхъ методовъ обоснованія сужденій. Такъ какъ, согласно интуитивизму, все объективное содержаніе сужденія есть не что иное, какъ сама дѣйствительность, то отсюда получается сближеніе между логикою и онтологіею: одна

ская сторона знанія (дѣятельность познающаго индивидуума) есть анализъ, а логическая, объективная сторона знанія есть синтезъ. Психологическая сторона знанія не входитъ въ составъ логической стороны сужденія: она служитъ лишь подмостками, необходимыми, чтобы подойти къ объективному содержанію. Кто не отличаетъ точно субъективной стороны сужденія отъ объективной, тотъ подвергается опасности перенести эти подмостки въ составъ логической стороны сужденія и вообразить, будто всѣ сужденія также и со своей логической стороны имѣютъ аналитическій характеръ, т.-е. состоятъ въ установленіи тожества или противорѣчія между субъектомъ и предикатомъ. Такое ошибочное перенесеніе свойствъ субъективной стороны сужденія на объективную есть источникъ весьма распространеннаго типа системъ логики, разсматриваемаго въ моей

и та же сторона міра, разсматриваемая, какъ независимая отъ акта знанія познающаго субъекта, есть онтологическая, а поскольку она входитъ въ содержаніе сужденія, она составляетъ логическую сторону его. Это сближеніе между логикою и онтологіею имѣетъ характеръ не панлогизма, а устраненія противоположности между панлогическимъ раціонализмомъ и эмпиристическимъ ирраціонализмомъ.

статьѣ „Реформа понятія сознанія въ современной теоріи знанія и ея значеніе для логики“ [1]).

Опишемъ подробнѣе источникъ этой ошибки. Психологическая сторона знанія, т.-е. актъ знанія, есть, какъ сказано выше, сравниваніе, въ результатѣ котораго являются всегда вмѣстѣ отожествленія и различенія, т.-е. анализъ. Для осуществленія этого психологическаго процесса необходимо, чтобы было нѣчто, съ чѣмъ я произвожу сравненіе, нѣчто, отъ чего я отличаю содержаніе сознанія. Для того, кто не обособляетъ субъективную и объективную сторону знанія, кажется несомнѣннымъ, что и логическій составъ сужденія сводится къ открытію тожества или противорѣчія между сличаемыми содержаніями сознанія; вмѣстѣ съ этимъ, если не отличать условія процесса сравниванія, съ одной стороны, и составъ конечнаго продукта этого процесса (объективную сторону сужденія), съ другой стороны, то кажется очевиднымъ, будто въ объективный составъ сужденія и умозаключенія должно войти все, что подвергалось сличенію.

[1]) Многочисленные важные случаи ошибочнаго перенесенія свойствъ субъективной стороны знанія на объективную перечислены въ моемъ „Введеніи въ философію, ч. I. Введеніе въ теорію знанія, гл. IV, B.

Согласно такой теоріи, напр., сужденіе „эта роза красная“ построено такъ, что субъектомъ его служитъ воспріятіе „этой красной розы“, а предикатъ присоединяется сюда путемъ частичнаго отожествленія „представленія „красный“ и воспріятія „этой красной розы“. Между тѣмъ въ дѣйствительности сравниваніе, т.-е. различеніе играетъ лишь роль психологическихъ подмостковъ, необходимыхъ только для того, чтобы различіе элементовъ міра и связей между ними было замѣчено (опознано) также и мною, вслѣдствіе чего для меня выдѣляются изъ состава дѣйствительности опознаваемые элементы міра. При этомъ то, отъ чего я отличилъ ихъ, не входитъ въ составъ сужденія: оно использовано лишь, какъ фонъ, на которомъ выдѣляется интересующая меня часть міра. Такъ, напр., отвѣчая (для себя и для другихъ) на вопросъ о цвѣтѣ „этой розы“, я отличаю „эту розу“ (S_1) по цвѣту отъ другихъ сосѣднихъ розъ или отъ окружающей среды (S_2) и говорю „эта роза красная“. Благодаря этому сличенію розы съ другими розами для меня выдѣлилось новое свойство розы, „красность“ (P), а также изъ всѣхъ связей окружающей среды выдѣлилась принадлежность красности „этой“ розѣ, а не какой-

либо другой части среды, и въ составъ сужденія вошли лишь S, P и связь ихъ между собою, а не тѣ элементы среды, съ которыми производилось сличеніе. Такимъ образомъ благодаря психологическому процессу сравниванія я прослѣдилъ связь S и P; при этомъ въ составъ моего сужденія не вошли ни отожествленія, ни противоположенія, и потому логическій смыслъ моего сужденія состоитъ вовсе не въ усмотрѣніи тожества или противорѣчія между субъектомъ и предикатомъ, а въ усмотрѣніи необходимой синтетической связи предиката съ субъектомъ. И въ самомъ дѣлѣ, между субъектомъ S („эта роза", т.-е. этотъ предметъ, который на основаніи прежнихъ актовъ знанія опредѣлился, какъ цвѣтокъ, здѣсь, роза, цвѣта которой я еще не различилъ, и предикатомъ P (красная) нѣтъ никакого отношенія тожества и противорѣчія; это — явно синтетическое сужденіе.

Данное нами истолкованіе сужденія „эта роза красная", очевидно, примѣнимо ко всѣмъ сужденіямъ безъ исключенія. Такъ, напр., сужденіе „это пятирублевка", приводимое С. И. Поварнинымъ (стр. 15), какъ примѣръ сужденія, въ которомъ отношеніе предиката къ субъекту есть отношеніе тожества, на дѣлѣ ничѣмъ не

отличается отъ сужденія „эта роза красная“: вѣдь субъектомъ этого сужденія служитъ не „эта пятирублевая бумажка“ (тогда сужденіе не было бы нужно), а неопознанное еще „это“, которое лишь послѣ опознанія характеризуется, какъ „пятирублевка“.

Сужденій, въ которыхъ отношеніе между предикатомъ и субъектомъ было бы не синтетическимъ отношеніемъ основанія и слѣдствія, а отношеніемъ тожества, вовсе нѣтъ [1]). Даже сужденія о тожествѣ не составляютъ исключенія: въ самомъ дѣлѣ, сужденіе „величины A и B тожественны другъ другу“ имѣетъ значеніе „если есть величины A и B, то есть и отношеніе тожества между ними“; въ этихъ сужденіяхъ тожество (понятіе тожества) служитъ предикатомъ, а вовсе не отношеніемъ, связывающимъ субъектъ и предикатъ. Къ неправильному пониманію сужденій о тожествѣ особенно побуждаетъ символическій языкъ математики: формула a=b наводитъ на мысль, будто a есть субъектъ этого сужденія, b—предикатъ, а зна-

[1]) Доводы въ пользу этого утвержденія изложены мною во Введеніи въ философію, ч. I, Введеніе въ теорію знаній, а также въ статьѣ „Реформа понятія сознанія въ современной теоріизнанія и значеніе ея для логики“ (статья эта вскорѣ будетъ напечатана).

комъ равенства выражено логическое отношеніе между субъектомъ и предикатомъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности субъектомъ этихъ сужденій служитъ понятіе „отношеніе между величинами a и b“ (неизвѣстное еще мнѣ, пока я не нашелъ предиката), предикатомъ служитъ понятіе „отношеніе тожества“, а логическое отношеніе между этими понятіями, придающее ихъ связи характеръ сужденія, есть синтетическая связь (понятія „a и b“ съ понятіемъ „тожественны“), т. е. отношеніе основанія и слѣдствія.

Какъ же критикуетъ С. И. Поварнинъ мое ученіе о сужденіи? С. И. утверждаетъ, что я даю въ первой части „Обоснованія интуитивизма“ одно опредѣленіе понятія знанія, а во второй части—другое, становящееся „въ противорѣчіе со смысломъ, который придавался первому опредѣленію ранѣе“ (стр. 11). Эти два опредѣленія таковы: „знаніе есть переживаніе, сравненное съ другими переживаніями“ и „знаніе есть процессъ дифференцированія дѣйствительности путемъ сравниванія“. На самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ сдѣланныхъ выше разъясненій, это вовсе не два различныя опредѣленія: вторая формула есть только дальнѣйшее развитіе смысла первой формулы.

Самъ г. Поварнинъ признаетъ, что сравне-

ніе можетъ привести къ „выдѣленію“ новаго признака изъ сравниваемаго объекта (это указаніе, объясняющее, какимъ образомъ первая и вторая формула не противорѣчатъ другъ другу, было сдѣлано мною въ отвѣтъ на докладъ С. И. Поварнина во время преній) и тѣмъ не менѣе продолжаетъ настаивать на томъ, что въ моемъ сочиненіи даны два непримиренныя другъ съ другомъ опредѣленія знанія. На чемъ же основывается этотъ упрекъ?

С. И. полагаетъ, что первое опредѣленіе я самъ истолковываю въ духѣ ученія, по которому сужденіе есть продуктъ сличенія субъекта съ предикатомъ, такъ что отношеніе между субъектомъ и предикатомъ есть отношеніе тожества. Здѣсь С. И. Поварнину помогаетъ то обстоятельство, что я очень часто, говоря о сравненіи, прибавляю, что оно сопутствуется не только различеніемъ, но и отожествленіемъ. Не бываетъ различенія безъ отожествленія, какъ, съ другой стороны, не бываетъ и отожествленія безъ различенія. Этотъ тезисъ въ столь общей формѣ нельзя не признать истиннымъ, однако лишь въ томъ случаѣ, если разумѣть подъ нимъ слѣдующее: когда я отличаю, напр., А отъ В, то это возможно лишь постольку, поскольку А, отличае-

мое отъ В, въ то же время отожествляется само съ собою, какъ бы ни были многочисленны и разнообразны акты сопоставленія его съ В.

Не уставая говорить объ отожествленіи, идущемъ бокъ-о-бокъ съ различеніемъ, я имѣю въ виду описанный только что процессъ отожествленія, о которомъ ясно, что онъ, какъ и различеніе, играетъ лишь роль подмостковъ, необходимыхъ для выдѣленія изъ состава дѣйствительности субъекта, предиката и связи между ними, и вовсе не стоитъ въ приравненіи предиката къ субъекту.

Въ двухъ мѣстахъ моей книги С. И. находитъ дѣйствительно неосторожныя выраженія, дающія поводъ, если ихъ брать внѣ цѣлаго книги, истолковывать ихъ въ духѣ логики тожества. Такъ на стр. 64 с. я говорю: „Констатированіе «это процессъ дедуктивнаго умозаключенія по первой фигурѣ силлогизма» только въ томъ случаѣ и возможно, если процессъ такого умозаключенія выдѣленъ изъ сферы другихъ переживаній, эмоцій, состояній самочувствія и т. п., если онъ отличенъ отъ индуктивныхъ умозаключеній и уподобленъ дедуктивнымъ умозаключеніямъ первой фигуры“. Чтобы не подать поводъ къ недоразумѣнію,

мнѣ слѣдовало конецъ предложенія формулировать такъ: „и отожествленъ съ собою, какъ дедуктивное умозаключеніе первой фигуры“.— Но какъ же г. Поварнинъ не усмотрѣлъ изъ другого, рядомъ и выше стоящаго примѣра, что мою теорію слѣдуетъ понимать въ духѣ ученія, по которому сравниваніе производится только для выдѣленія опознаваемаго предмета изъ состава дѣйствительности. Этотъ примѣръ таковъ: „Несомнѣнно переживаніе «свѣтло!» возможно не иначе, какъ при сопоставленіи переживанія свѣта съ переживаніемъ тьмы, и при отличеніи его отъ этого, а также отъ всѣхъ другихъ смежныхъ переживаній“ [1]).

Другое цитируемое С. И. Поварнинымъ мѣсто таково. Я говорю, въ противоположность другимъ теоріямъ знанія, что дѣтельность мышленія, поскольку она есть субъективный психологическій процессъ, весьма скромна (не имѣетъ творческаго характера): на ея долю относятся „только результаты сравниванія, именно усмотрѣніе сходства и различія, тожества и противорѣчія“ [2]).

Эта фраза, если взять ее внѣ содержанія

---

[1]) Обоснованіе интуитивизма, стр. 64.
[2]) Тамъ же стр. 339.

всей книги, дѣйствительно можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ; ее слѣдовало формулировать такъ: на долю дѣятельности мышленія относится „только сравниваніе, т.-е. отожествленіе и различеніе, приводящее къ анализу дѣйствительности".

Поскольку полемика С. И. опирается на эти цитаты, она образецъ того, какъ критикуемая книга на основаніи отдѣльныхъ фразъ, взятыхъ изъ нея, можетъ быть представлена въ любомъ свѣтѣ.

Впрочемъ, у г. Поварнина есть для нападеній на мою теорію сужденія болѣе серьезное основаніе, чѣмъ отдѣльныя цитаты изъ моей книги. С. И. Поварнинъ полагаетъ, что я поневолѣ долженъ пользоваться то однимъ то другимъ ученіемъ о сужденіяхъ (т.-е. долженъ въ однихъ случаяхъ считать отношеніе предиката къ субъекту отношеніемъ тожества, а въ другихъ случаяхъ отношеніемъ основанія и слѣдствія), такъ какъ, по мнѣнію С. И. Поварнина, нельзя всѣ сужденія подвести подъ формулу, по которой сужденіе есть „дифференцированіе дѣйствительности путемъ сравниванія". Подъ эту формулу, по мнѣнію С. И., никакъ нельзя подвести сужденія сравниванія. Такъ какъ, дойдя до этой формулы (путемъ посте-

пеннаго развитія смысла исходной формулы „знаніе есть переживаніе, сравненное съ другими переживаніями“), я затѣмъ пользуюсь ею на всемъ остальномъ протяженіи книги, то С. И. утверждаетъ, что я „просто потерялъ, такъ сказать, по пути первый видъ сужденій“. Въ отвѣтъ на это напомню приведенныя выше соображенія, показывающія, что даже сужденія о тожествѣ (напр., „величины A и B тожественны другъ другу“) подходятъ подъ теорію, по которой сужденіе есть „дифференцированіе дѣйствительности путемъ сравниванія“, такъ что никакихъ сужденій я по пути не потерялъ. Разъясненіе относительно того, какъ даже сужденія о тожествѣ подходятъ подъ мою теорію, было сдѣлано мною С. И. Поварнину во время преній послѣ доклада. Поэтому я удивляюсь, какимъ образомъ С. И. въ началѣ брошюры (стр. 4 примѣч.) говоритъ: „всѣ возраженія г. Лосскаго приняты во вниманіе“ и въ то же время попрежнему просто утверждаетъ, будто сужденія сравниванія не подходятъ подъ мою формулу, вмѣсто того, чтобы

См. выше стр. 25 с. О томъ, что и отрицательныя сужденія подходятъ подъ мою теорію см. „Реформа понятія сознанія въ современной теоріи знанія и ея значеніе для логики“.

опровергнуть мои возраженія, если С. И. счелъ ихъ не убѣдительными.

С. И. Поварнинъ не усмотрѣлъ характерной черты моего ученія, состоящей въ томъ, что я устанавливаю наиобщую роль сравниванія, присущую ему во всѣхъ сужденіяхъ безъ исключенія, причемъ сужденія сравниванія (сужденія, въ которыхъ утверждается сходство, различіе, тожество, противорѣчіе вещей A и B) составляютъ видъ общаго случая, описаннаго мною, а не новый родъ сужденій.

Въ 3 параграфѣ главы „Ученіе о сужденіяхъ“ (стр. 16—18) С. И. дѣйствительно указываетъ на одну ошибку, допущенную мною въ „Обоснованіи интуитивизма“. Устраненіе этой ошибки потребуетъ исправленія въ новомъ изданіи двухъ строкъ въ двухъ мѣстахъ книги, за что я очень благодаренъ С. И. Поварнину. На стр. 207 я говорю, что „всякое сужденіе есть анализъ неопознанной стороны субъекта, но въ отношеніи къ опознанной сторонѣ субъекта всякое сужденіе есть синтезъ“. Далѣе въ главѣ „Элементарные методы знанія“ я говорю о сужденіяхъ косвеннаго воспріятія, въ которыхъ предикатъ полученъ путемъ „выхожденія за предѣлы“ (даже и не-

опознаннаго) субъекта сужденія. Эти сужденія, говоритъ г. Поварнинъ, необходимо признать синтетическими „въ обоихъ смыслахъ“, поэтому, думаетъ г. Поварнинъ, мнѣ необходимо отказаться отъ ученія, что всѣ сужденія суть въ одномъ смыслѣ аналитическія, а въ другомъ синтетическія, мнѣ необходимо „на ново передѣлать ученіе о сужденіяхъ“. Ошибку С. И. Поварнинъ замѣтилъ, но значеніе ея переоцѣнилъ все по той же причинѣ, которая обусловила появленіе въ свѣтъ всей брошюры,— вслѣдствіе того, что г. Поварнинъ не усмотрѣлъ сущности интуитивизма.

Когда я говорю объ аналитическомъ характерѣ сужденій, съ одной стороны, и о синтетическомъ характерѣ ихъ, съ другой, мнѣ важно отмѣтить здѣсь не отношеніе предиката къ субъекту, а различіе между субъективною (психологическою) и объективною (въ частности логическою) стороною сужденія. Психологическій актъ, производимый познающимъ субъектомъ, есть всегда анализъ дѣйствительности (такой характеръ сохраняютъ и косвенныя воспріятія), а логическій составъ сужденія есть всегда синтезъ элементовъ дѣйствительности. Слѣдовательно, вмѣсто отказа отъ признанія двухъ сторонъ во всякомъ су-

жденіи, вмѣсто „передѣлки на-ново“ своей теоріи, я долженъ только слѣдующимъ образомъ измѣнить свое приведенное выше утвержденіе: „всякое сужденіе есть анализъ неопознанной стороны дѣйствительности, но въ отношеніи къ опознанной сторонѣ дѣйствительности всякое сужденіе есть синтезъ“.

III. Критерій истины.

Критеріемъ истины я считаю „наличность самой познаваемой дѣйствительности, наличность познаваемаго бытія въ знаніи. Эта наличность несомнѣнна въ томъ случаѣ, когда содержаніе познанія „дано“ мнѣ, а не произведено дѣятельностью, которая чувствуется мною, какъ „мое“ субъективное усиліе, когда содержаніе знанія присутствуетъ и развивается въ знаніи само собою, а я только слѣдую за нимъ, сосредоточивая на немъ вниманіе и дифференцируя его путемъ сравниванія“ [1]).

По этому поводу С. И. Поварнинъ утверждаетъ, что критеріемъ истины, по моей теоріи, служитъ „чувствованіе“. Это невѣрно: критеріемъ истиннаго знанія о предметѣ служитъ,

[1]) Об. инт., стр. 325.

по моей теоріи, бытіе самого познаваемаго предмета.

Критеріемъ же лжи служитъ открытіе примѣси къ сужденію продуктовъ субъективнаго творчества, которые узнаются дѣйствительно на основаніи „чувствованія“ моей активности при созданіи ихъ. Чтобы опредѣлить истинность сужденія, по этому методу, говоритъ С. И., нужно опознаніе, но опознаніе можетъ быть истиннымъ или ложнымъ, слѣдовательно, оно опять требуетъ опознанія и т. д. до безконечности. На самомъ дѣлѣ регресса въ безконечность здѣсь не будетъ: опознанію для открытія, какіе элементы сужденія объективны, подвергается не актъ опознанія, а составъ элементовъ объективной стороны сужденія. Напр., если въ объективномъ составѣ сужденія есть элементъ А, то я, чтобы убѣдиться „данное“ ли это А или оно „присочинено“ мною, долженъ присматриваться не къ какому-либо В, потомъ С и т. д., а только къ самому этому А. Эту провѣрку, въ случаѣ сложнаго состава [1]) сужденія и трудности разложенія его на элементы, приходится повторять много разъ, но эти повторенія соотвѣтствуютъ поговоркѣ „семь разъ примѣрь,

[1]) См. объ этомъ Обосн. инт. стр. 327—336.

одинъ разъ отрѣжь", а вовсе не представляютъ собою регресса въ безконечность.

Если бы здѣсь былъ регрессъ въ безконечность, то съ такимъ же правомъ можно было бы утверждать, что и примѣненіе закона противорѣчія, какъ критерія истины или лжи, ведетъ къ регрессу въ безконечность.

Впрочемъ, „главное и, повидимому, рѣшающее возраженіе заключается не въ этомъ", говоритъ С. И. Поварнинъ (стр. 20), а въ слѣдующемъ: въ книгѣ „Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма" (стр. 38) я утверждаю, что при особенно успѣшной творческой дѣятельности обработка матеріаловъ памяти происходитъ гдѣ-то за предѣлами я, такъ что „нѣкоторые новые синтезы, анализы, сопоставленія оказываются „данными" и намъ остается лишь апперципировать ихъ". Эти факты, по мнѣнію С. И., гибельны для моего критерія: „приходится, говоритъ С. И. (стр. 21) сдѣлать выводъ: „все, что дано въ содержаніи сужденія — истинно; значитъ, всѣ новые данные синтезы, анализы, сопоставленія и т. п. въ актѣ научнаго творчества истинны. Но такой выводъ противорѣчитъ дѣйствительности, противорѣчитъ сотнямъ и тысячамъ фактовъ въ исторіи науки и философіи".

Отвѣтъ на это возраженіе заключается въ моемъ ученіи о законѣ достаточнаго основанія. Истиннымъ я считаю сужденіе, въ которомъ субъектъ служитъ достаточнымъ основаніемъ предиката. Если изъ субъекта сужденія S безъ всякихъ дополненій къ нему (т.-е. безъ моего и чьего бы то ни было содѣйствія) слѣдуетъ P, такъ что познающему лицу остается только опознать это слѣдованіе, то передъ нами — истинное сужденіе „S есть P“ (S само въ себѣ заключаетъ достаточное основаніе для слѣдованія за нимъ P). Представимъ себѣ теперь случай, когда S тоже „дано“ мнѣ въ связи съ P, но не потому, что само S влечетъ за собою P, а потому, что нѣкоторый дѣятель X преподноситъ мнѣ его въ связи съ P. Въ такомъ случаѣ сужденіе „S есть P“ ложно; истина будетъ высказана мною только тогда, когда я усмотрю, что лишь послѣ присоединенія къ S дѣятельности X за нимъ слѣдуетъ P. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ усмотрѣть такой характеръ „даннаго“ синтеза вовсе не трудно: напр., когда г. X. говоритъ мнѣ, что „прямоугольный треугольникъ имѣетъ сумму угловъ, равную тремъ прямымъ угламъ“, я безъ труда замѣчаю, что синтезъ этихъ понятій осуществляется не изъ ихъ содержанія, а путемъ присоединенія къ

ихъ содержанію дѣятельности (фантазирующаго, выдумывающаго нелѣпость и т. п.) лица X. Въ другихъ случаяхъ, напр., быть можетъ, тогда, когда я галлюцинирую и приведенную выше фразу мнѣ нашептываютъ какіе-то голоса, усмотрѣть (находящійся, быть можетъ, въ моемъ тѣлѣ) добавочный факторъ X, осуществляющій синтезъ, очень трудно, но принципіально разницы между этими случаями нѣтъ.

IV. Непосредственная познаваемость міра.

Критикуя мое ученіе о томъ, что міръ познается въ подлинникѣ, С. И. Поварнинъ полагаетъ, что и здѣсь онъ нашелъ вопіющее противорѣчіе, дающее ему право утверждать слѣдующее (стр. 26): „какъ бы то ни было, г. Лосскій категорически утверждаетъ, что часть міра не познается въ оригиналѣ и въ то же время категорически утверждаетъ, что весь міръ познается въ оригиналѣ“. Поводомъ для этого упрека служитъ мое ученіе объ ощущеніяхъ, какъ внутритѣлесныхъ транссубъективныхъ процессахъ, развивающихся вслѣдствіе воздѣйствія внѣтѣлесной транссубъективной вещи на тѣло познающаго субъекта и, слѣдовательно,

играющихъ роль сигналовъ, даваемыхъ внѣтѣлеснымъ объектомъ. С. И. Поварнинъ не упустилъ, правда, изъ виду моей оговорки (стр. 81 с.) „можно пойти еще дальше и предположить, что даже цвѣта и звуки, вообще ощущенія, могутъ быть не цѣликомъ внутритѣлесны“. Однако, приводя это замѣчаніе, онъ находитъ (стр. 24), что оно „въ лучшемъ случаѣ только съуживаетъ область сигналовъ, но не устраняетъ послѣднихъ“.

Замѣчаніе о внѣтѣлесной транссубъективности части ощущеній высказано только въ формѣ намека въ „Обоснованіи интуитивизма“. Подробнѣе оно развито въ изложеніи интуитивизма, даннома мною во „Введеніи въ философію“. Однако приводить свои соображенія изъ этой книги я здѣсь не буду. Они не нужны для отвѣта на сдѣланное мнѣ возраженіе. Допустимъ (хотя это и не вѣрно), что всѣ ощущенія сполна суть только сигналы, возникающіе въ моемъ тѣлѣ. Даже и въ такомъ случаѣ (такъ какъ я на всемъ протяженіи книги подчеркиваю обиліе нечувственныхъ элементовъ въ знаніи) мое ученіе имѣетъ слѣдующій смыслъ: внѣ моего тѣла находится предметъ ABCD, который, дѣйствуя на мое тѣло, создаетъ въ немъ сигналы α, β, а я познаю

какъ само ABCD въ подлинникѣ, такъ и сигналы, подаваемые имъ. Иными словами, я познаю и причину, и ея дѣйствія. Конечно, знаніе осуществляется не сразу, а по частямъ и процессъ развитія его состоитъ въ томъ, что возрастаетъ запасъ знаній о самомъ ABCD и уменьшается значеніе (даже и для практической дѣятельности) знанія сигналовъ.

Итакъ, я не высказываю противорѣчивой мысли, что весь міръ познается въ оригиналѣ и въ то же время часть міра не познается въ оригиналѣ. Я утверждаю, что весь міръ познается въ оригиналѣ, а, кромѣ того, познаются и сигналы, подаваемые міромъ. Кажется, эта мысль высказана съ полною ясностью въ моей книгѣ. Встрѣчаясь и здѣсь съ непониманіемъ, въ безсиліи опускаешь руки и не знаешь, какъ же нужно писать, чтобы не вызывать недоразумѣній!

С. И. настолько далекъ отъ сущности моей книги, что даже мое ироническое замѣчаніе (по вопросу о томъ, внутритѣлесны ли категоріальные элементы знанія, напр., единство и т. п.) „пока физіологія не доказала этого“ (т.-е. на нашла „нервовъ единства“, „нервовъ субстанціальности“ и т. п.), „до тѣхъ поръ у нашихъ противниковъ нѣтъ доводовъ, опровер-

гающихъ насъ“ [1]), принимаетъ за чистую монету и считаетъ себя въ правѣ иронизировать слѣдующимъ образомъ: „вопросъ о томъ, внѣтѣлесны или внутритѣлесны субстанціальныя и т. п. связи окончательно можетъ рѣшить лишь физіологія: это по существу зависитъ отъ ея изслѣдованій...“ [2]).

Въ заключеніе повторю то, съ чего началъ. Если критикъ изображаетъ чужую систему, какъ нѣчто сплошь составленное изъ противорѣчій, такъ что одна страница книги уничтожаетъ другую, то въ большинствѣ случаевъ эта противорѣчивость есть созданіе самого критика, не проникнувшаго внутрь разсматриваемой имъ системы. Брошюра С. И. Поварнина есть превосходный образецъ такого бѣдственнаго для критика положенія.

---

[1]) Обосн. пат., стр. 80.
[2]) С. И. Поварнинъ, стр. 26.